
Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 103—118.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 103—118.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.8

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СТАРШЕКЛАСНИКОВ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И МОДЕЛЕЙ ПЛАНИРУЕМОЙ СЕМЬИ

Константин Сергеевич Дивисенко

Социологический институт РАН — филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
k.divisenko@socinst.ru

Изучение жизненных целей и стратегий их достижения, подразумевающих баланс профессиональной и приватной (семейной) сфер, представляет интерес для анализа гендерного порядка, воспроизводящегося не только на институциональном уровне, но и в личном биографическом проекте. На примере жизненных планов старшеклассников в статье обосновывается предположение о наличии у девушек и юношей гендерно-маркированных моделей будущей жизни, которые связаны с планируемой семьей и работой. Результаты подтверждают, что выявленные модели, задаваемые ориентацией на патриархатность и эгалитарность, а также репродуктивными намерениями, оказались связанными не только с профессиональными планами, но и с различным жизненным опытом старшеклассников. Анализ пересечения различных факторов социальной дифференциации, репрезентированных в представлениях старшеклассников о своем будущем, позволяет говорить о наличии гендерно-маркированных сценариев биографического проектирования.

Ключевые слова: биографический проект, старшеклассники, гендерные идеалы, конструирование будущего, патриархатность, эгалитарность, баланс семьи и работы

Для цитирования: Дивисенко К. С. Биографический проект старшеклассников: пересечение гендерных представлений и моделей планируемой семьи // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 103—118.

Original article

HIGH SCHOOL STUDENTS' BIOGRAPHICAL PROJECT: INTERSECTION OF GENDER REPRESENTATION AND THE MODELS OF PROSPECTIVE FAMILY

Konstantin S. Divisenko

Sociological Institute of the RAS — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, k.divisenko@socinst.ru

The study of life goals and strategies for its achievement related to the balance of professional and private (family) spheres is of interest for analysis of the gender order, reproduced not only at the institutional level but also in a personal biographical project. Referring to the example of the life plans of high school students, the article substantiates the assumption that males and females' models of future lives associated with prospective family and work are gender-marked. The ideas of intersectional analysis were used to identify models for future life determined by the intersection of various dimensions: gender, family, and profession. The results confirm that the patriarchal female ideal is accepted by both males and females, but the patriarchal male ideal is supported mainly by the self-awareness of young men. The discovered models, defined by the patriarchal and egalitarian orientation, and reproductive intentions are associated not only with professional plans, but also with various life experiences of high school students. An analysis of the intersection of various factors of social differentiation represented in high school students' ideas about their future allows us to suppose that scenarios of biographical project are gender-marked. Genderization of biographical project even of the most homogeneous social group reproduces current gender order and the consequent opportunities/limitations for family and work combination. The discovered complex of material exclusion and subjective ill-being, which explains both males and females' rejection of traditionalism, is of particular interest for the following studies of the factors that transform the gender ideology of modern Russian society.

Key words: biographical project, high school students, gender ideals, constructing the future, patriarchy, egalitarianism, work-family balance

For citation: Divisenko, K. S. (2022) Biograficheskiĭ proekt starsheklassnikov: peresechenie gendernykh predstavleniĭ i modelei planiruemoĭ sem'i [High school students' biographical project: intersection of gender representation and the models of prospective family], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 103—118.

Введение. Постановка задачи

В современных социальных условиях, определяемых разнообразием форм семейных отношений и активным становлением новых форм занятости, проблема совмещения работы и семьи продолжает оставаться значимой как для государственной политики, ориентированной на решение демографических проблем, так и для самих работающих.

Как отмечается в ряде отечественных исследований, семейная политика в современной России, несмотря на неолиберальные тенденции, во многом определяется советскими гендерно-асимметричными принципами поддержки семей с детьми [Чернова, 2017; Барсукова, Радаев, 2000]. Воспроизводство гендерного неравенства продолжает обеспечиваться правовым полем посредством атрибутирования женщинам сферы заботы о детях, что предполагает двойную нагрузку: выполнение ими своей профессиональной деятельности и поддержку семьи. Сложившийся в позднесоветское время и наиболее распространенный гендерный контракт «работающей матери» в настоящее время становится более вариативным [Тартаковская, 2017]. Культурные и экономические изменения преобразуют старые и формируют новые конфигурации контрактов [Роткирх, Темкина, 2007], связанные как с эгалитарным допущением карьерных возможностей для матерей, так и с полным или частичным их отказом от профессиональной деятельности.

Что касается трансформации роли мужчины в семье и образа мужественности, то, по мнению ряда исследователей, этот процесс носит глобальный характер [Кон, 2010; Здравомыслова, Темкина, 2018; Чернова, 2019], определяемый социально-экономическими факторами, в первую очередь изменениями в разделении труда, в распределении власти и в семейных отношениях. Советский гендерный контракт «работающей матери», базировавшийся на дешевом женском труде, способствовал поддержанию низких зарплат и у мужчин [Айвазова, 2011: 15—16], что нарушало традиционный гендерный порядок: предписанная мужчине патриархатной маскулинностью идентичность добытчика подрывалась либо оказывалась в зоне риска. Вместе с тем постиндустриальное устройство общества с перемещением занятости, в том числе мужской, в сферу услуг выдвигает альтернативные патриархатному гендерному порядку модели мужественности. Эгалитарные устремления мужчин, заключающиеся в совмещении профессиональной сферы и заботы о семье/детях, определяют различные формы отцовства. Но «вовлеченное» и «новое» отцовство [Клецина, 2009] сталкивается все еще с жесткой гендерной асимметрией в сфере труда [Lipasova, 2016], предлагающей для мужчин преимущественно дизъюнктивное «или» между семьей и работой. Несмотря на развитие альтернативных моделей, определенная реконфигурация патриархатного гендерного порядка начала наблюдаться в постсоветской России, когда сформировался образ «настоящего мужчины», который занят «мужской» работой, успешен, материально состоятелен, ориентирован на статусное потребление [Ушакин, 2002; Ваньке, Тартаковская, 2016]. В настоящее время успешность также продолжает конституировать образы идеальной маскулинности, однако связанные с разными способами самоутверждения и самореализации: «мужчины с ружьем» и «мужчины с компьютером» [Тюрина, 2020]. В целом же усложняющийся российский гендерный порядок, связанный с культурным разнообразием, позволяет мужчине усматривать основание для достижения успеха не только в трудовой и финансовой сферах, но и в семейных отношениях и/или отцовстве.

В изучении жизненных стратегий старшеклассников, в отличие от других групп молодежи, например от работающих студентов или «молодых взрослых» [Чернова, Шпаковская, 2010], имеются определенные особенности, связанные

с социальными и психологическими факторами. Старшеклассники, не имея опыта самостоятельной жизни, обладают, предположительно, более гибкой и открытой системой возможностей для биографического проектирования, поскольку и гендерная идеология, и «трудовая этика» российского капитализма могла быть только воспринята ими, но еще жестко не зафиксирована личной практикой. В связи с этим возникает небезынтересный вопрос о феномене воображаемой жизни (и его вариативности), в котором кумулируются жизненные цели и стратегии их достижения, касающиеся в том числе баланса профессиональной и приватной (семейной) сфер. Эти представления биографически детерминируются как социально-экономическим статусом семьи, обеспечивающим не только выбор, но даже и саму возможность образования и соответственно профессионализации в той или иной области, так и взглядами на гендерно-обусловленные практики и стратегии достижения желаемого положения в профессиональной и семейной сферах.

Для выявления отдельных моделей будущей жизни, определяемых пересечением различных измерений (гендерное, семейное, профессиональное), нами используются идеи интерсекционального анализа [Yuval-Davis, 2006; Nash, 2008]. Данный подход предполагает анализ взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, обуславливающих неравенство в социальной локации индивидов и влияющих на их дальнейший жизненный путь. Интерсекциональный анализ соответствует повестке современных гендерных исследований, в поле внимания которых попадает не столько оппозиция мужского и женского, сколько более фундаментальные процессы воспроизводства неравенства, которые обусловлены «множественностью гендерных позиций, порожденных комплексным действием механизмов господства и угнетения» [Здравомыслова, Темкина, 2018: 53]. Однако если в эмпирических исследованиях, использующих этот подход [Тартаковская, 2015; Уткина, Гаспарян, 2019], изучаются процессы, обуславливающие реальные локации, то особенностью настоящего исследования является анализ воображаемых локаций будущего, одновременно определяемых как гендерными представлениями, так и жизненными планами. Основная же задача статьи — эмпирическое обоснование предположения о наличии у девушек и юношей, учащихся в старших классах, гендерно-окрашенных типов представлений о будущей семье, которые связаны также и с планируемой профессиональной траекторией.

Согласно логике интерсекционального подхода, ориентированного прежде всего на выявление типов представлений, обусловленных пересечением различных факторов социальной дифференциации, мы не ставим перед собой задачу достижения репрезентативности результатов, т. е. возможности говорить о степени распространенности того или иного типа. Для нас важно описание самих типов/моделей планируемой жизни, обусловленных гендерно-семейными представлениями. В связи с этим проведение эмпирического исследования было ограничено одним учебным заведением, а объем выборочной совокупности определялся предполагаемым числом моделей и необходимым минимумом случаев для их корректного сопоставления и выявления статистически достоверных различий.

Методы и данные

В анкету, предлагавшуюся школьникам для самостоятельного заполнения, были включены вопросы, касающиеся их планов на будущее — как сферы образования и занятости, так и брачно-семейных отношений. Опрос проведен в 2018/19 учебном году среди учащихся 8—11-х классов в одной из гимназий Санкт-Петербурга ($n = 223$, 121 девушка и 102 юноши).

В анкете была использована авторская методика Н. А. Нечаевой [Нечаева, 2017], фиксирующая понятия об идеальных представителях обоих полов и позволяющая выявить ориентацию на патриархатность (признание гендерного неравенства и активной роли мужчины) или эгалитарность (отрицание гендерного неравенства и утверждение необходимости самореализации женщины в различных сферах социальной жизни). Поскольку устанавливаемые с помощью этой методики эталонные образы являются общими ориентирами в гендерном сознании [Нечаева, 2019: 119], мы полагаем, что они не только связаны с идеализированными женщинами и мужчинами, но и соотносятся с представлениями об идеальных супругах (для тех, кто не исключает в своем биографическом проекте возможности вступления в брак).

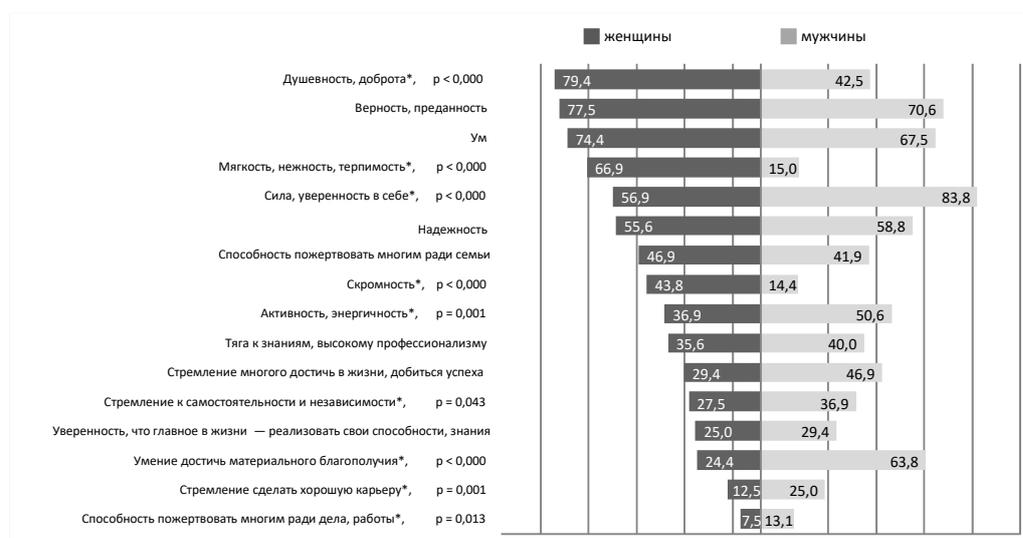
На этапе статистического анализа данных использовались методы многомерного шкалирования (ALSCAL), иерархический кластерный анализ (метод Уорда), при анализе сопряженности переменных — параметрические и непараметрические статистики, соответствующие типам переменных и характеру распределения: дисперсионный анализ ANOVA, медианный тест (МТ), критерий Краскела — Уоллиса (K-W), критерий Мак-Нимара, ϕ -критерий Фишера (ϕ), коэффициент Крамера (V), коэффициент Кендалла (τ - c), критерий линейно-линейной связи (LLA).

Результаты исследования

Перед тем как перейти к выявлению моделей планируемой жизни, рассмотрим конституирующие их гендерные идеалы и представления о будущей семье.

Представления об идеальных женщинах и мужчинах. В наделении респондентами идеальных мужчин и женщин отдельными чертами наблюдается достаточно четкая гендерная дифференциация. При парном сравнении соответствующих 16 черт по критерию Мак-Нимара для парных выборок выявлено 9 значимых различий (рис.).

Идеальная женщина, по мнению старшеклассников, наделена в первую очередь такими чертами, как душевность, верность, ум, мягкость, сила, надежность. Все эти черты, за исключением последних двух, в традиционном гендерном сознании приписываются женщине. Наименее значимыми для идеала женщины стали традиционно мужские характеристики: способность пожертвовать чем-либо ради работы, сделать хорошую карьеру, достичь материального благополучия, реализовать свои знания, добиться самостоятельности. Вместе с наиболее значимыми вторая группа черт в целом подтверждает ориентацию школьников, особенно юношей, на патриархатные ценности. Значимость карьеры, самостоятельности и силы достоверно выше в ответах девушек ($\phi = 0,209$, $p = 0,009$; $\phi = 0,249$, $p = 0,002$ и $\phi = 0,162$, $p = 0,041$ соответственно). Однако юноши наделяют идеальную женщину как активностью, так и верностью ($\phi = 0,185$, $p = 0,020$ и $\phi = 0,187$, $p = 0,019$).

Распределение черт идеальных женщин и мужчин, %
(сумма превышает 100 %, так как каждый респондент должен был отметить 7 из 16 черт;
значимые различия отмечены «*»)

Идеальный мужчина, на первый взгляд, также обладает преимущественно патриархатными чертами: сильный, верный, умный, способный достичь материального благополучия и надежный. Для него почти не характерно быть мягким и скромным. Примечательно, что при этом к нему не предъявляются требования достижений в профессии: реализации собственных знаний, построения карьеры и готовности пожертвовать многим ради работы. Здесь фиксируются явные сдвиги в понимании мужчины, который обладает маскулинными чертами, не подкрепленными реализацией себя в профессиональной сфере. Девушки видят мужчину в большей мере, чем юноши, верным (это «зеркальное» ожидание, также и для юношей в женском идеале эта черта более важна, чем для девушек, — $\varphi = 0,347$, $p < 0,000$), надежным ($\varphi = 0,190$, $p = 0,017$), душевным ($\varphi = 0,260$, $p = 0,001$), мягким ($\varphi = 0,228$, $p = 0,004$), готовым пожертвовать многим ради семьи ($\varphi = 0,182$, $p = 0,022$). Мужчина, таким образом, по их мнению, должен обладать фемининными чертами, если мы за точку отсчета берем патриархатные воззрения. Юноши, как и в случае женского идеала, придерживаются традиционных ценностей, преимущественно видя мужчину активным ($\varphi = 0,216$, $p = 0,007$), стремящимся к знаниям ($\varphi = 0,178$, $p = 0,026$), самореализации ($\varphi = 0,254$, $p = 0,002$), готовым пожертвовать многим ради работы ($\varphi = 0,166$, $p = 0,039$), но в то же время и скромным ($\varphi = 0,281$, $p < 0,000$).

Распределение черт в целом свидетельствует о том, что юноши в большей мере, чем девушки, сторонники традиционных воззрений: мужчина активный, ориентированный на самостоятельность и профессиональную область, женщина же должна обладать преимущественно эмоциональным капиталом, а не нацеленностью на профессиональные достижения. Девушки, напротив, более склонны к эгалитарным ориентирам, но, тем не менее, поддерживают и традиционные воззрения. У них наблюдается интенция выравнивания идеалов — наделение

мужчин традиционно женскими чертами, а женщин — мужскими. Парное сравнение соответствующих черт двух идеалов позволяет построить индекс тождественности гендерных идеалов как абсолютное число отдельных черт, которыми респонденты наделяют идеальных женщин и мужчин одновременно. Низкие значения индекса свидетельствуют о строгом различии образов представителей двух полов, а высокие — об отождествлении. Обращает на себя внимание, что юноши более четко разделяют идеальные образы представителей двух полов: индекс тождественности у них значительно ниже (3,7 против 4,8 у девушек; $F = 18,6$, $p < 0,000$).

Несмотря на то что в методике имеется ключ для построения шкал, характеризующих выраженность у респондентов патриархатных или эгалитарных взглядов [Нечаева, 2017: 165], в нашем исследовании проведена своя эмпирическая проверка, обусловленная тем, что респонденты представляют собой достаточно специфическую в возрастном плане группу. Многомерное шкалирование переменных, характеризующих каждый из двух гендерных идеалов, показало, что в целом в обоих случаях выделяются 2 большие группы, объединяющие с некоторыми вариациями патриархатные или эгалитарные характеристики, что свидетельствует о валидности методики, несмотря на наличие отдельных «маргинальных» переменных, несколько отстоящих от более сплоченных группирований.

Результаты шкалирования также позволяют выделить по близости координат переменных в двумерном пространстве более дробные образования, которые мы обозначим как паттерны (относительно устойчивые взаимосвязи черт) гендерного идеала. Так, в *женском идеале* оказались близкими такие черты, как верность, преданность; мягкость, нежность, терпимость; душевность, доброта; ум, что позволяет обозначить это группирование как паттерн традиционных патриархатных воззрений. Эгалитарные же черты образовали две близкие, но относительно самостоятельные группы. Одна из них объединила следующие характеристики: стремление к независимости, самостоятельности, тягу к знаниям, высокому профессионализму; уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; умение достичь материального благополучия. Другая — стремление сделать хорошую карьеру, способность пожертвовать многим ради дела, работы; стремление многого достичь в жизни, добиться успеха. Таким образом, в женском идеале налицо 3 паттерна: патриархатный, эгалитарно-независимый с акцентом на самореализацию и эгалитарно-профессиональный.

В *мужском идеале* выделяются также несколько относительно самостоятельных группирований черт. На основании не только близости их друг к другу, но и возможности интерпретации выделим 3. Первое соотносится с традиционными взглядами на мужчину и объединяет такие черты, как стремление к самостоятельности и независимости; уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания; стремление сделать хорошую карьеру; тяга к знаниям, высокому профессионализму; активность, энергичность; стремление многого достичь в жизни, добиться успеха. Второе определяется такими чертами, как способность пожертвовать многим ради семьи, душевность, доброта; верность, преданность; надежность. Третье объединяет три переменные, которые характеризуют мужчину как мягкого, нежного, терпимого; скромного; способного (в то же время) пожертвовать многим ради работы. Первый паттерн

мужского идеала условно обозначим как патриархатный, второй — эгалитарно-семейный, третий — эгалитарно-профессиональный.

Для дальнейшего анализа построены 6 субшкал (средние значения соответствующих переменных), отражающих ориентацию каждого респондента на выявленные 3 паттерна женского гендерного идеала и 3 — мужского.

Представления о будущей семье. Относительно будущей семьи в анкете задавались два вопроса: «Планируете ли Вы в будущем создать свою собственную семью?» и «Сколько детей Вам хотелось бы иметь?». На первый из них 78 % респондентов ответили утвердительно, 8 % дали отрицательный ответ, оставшиеся 14 % отметили вариант «Другое», который предполагал пояснение. Оказалось, что затруднение с однозначным ответом связано с тремя основными причинами: на данный момент респонденты не представляют будущее, либо не задумывались над этим, либо не берутся прогнозировать. Согласно ответам на второй вопрос, среднее число желаемых детей у девушек выше и составляет 1,76, а у юношей — 1,43 ($F = 6,1, p = 0,015$, среднее по массиву $1,62 \pm 0,82$). На основе ответов о числе желаемых детей была построена переменная, характеризующая тип семьи: бездетная, однодетная, двухдетная и семья с 3 и более детьми. Сопряжение двух переменных (планирование создания семьи и число желаемых детей) показано в таблице 1.

Таблица 1

Планы школьников относительно создания в будущем собственной семьи, %

Тип семьи	Планируете ли Вы в будущем создать свою собственную семью?			
	Да	Нет	Другое	Итого
Бездетная	2,3	5,0	5,0	12,3
Однодетная	24,1	2,3	5,0	31,4
Двухдетная	39,1	0,0	2,7	41,8
С 3 и более детьми	13,2	0,5	0,9	14,5
<i>Всего</i>	78,6	7,7	13,6	100,0

Примечание. При ответе на вопрос о числе планируемых детей 19 % респондентов указали не конкретное число, а диапазон, поэтому средние значения в этом случае были перекодированы с округлением в меньшую сторону.

Модели планируемой жизни. Согласно выдвигаемому предположению о наличии «сцепки» гендерных представлений и планов по созданию в будущем собственной семьи проведен кластерный анализ на основе переменных, характеризующих ориентацию на вышеописанные паттерны женского и мужского гендерного идеала и тип планируемой семьи. Обнаружено 3 кластера, идентификация которых представлена в таблице 2.

Представители первого кластера ориентируются на патриархатный тип идеальной женщины и преимущественно на эгалитарно-семейный идеал мужчины, но не исключают и эгалитарно-профессиональный, при этом среднее число планируемых детей достигает максимального показателя — 1,73. Для респондентов, принадлежащих ко второму кластеру, напротив, фиксируется минимальное значение этого показателя — 1,20, а идеальными оказываются эгалитарные паттерны: независимая женщина, женщина-профессионал, эгалитарно-профессиональный тип мужчины.

Третий кластер объединил тех учащихся, которые больше всего ценят патриархатные черты в женщинах и мужчинах. Как и у представителей первого кластера, среднее число желаемых детей у них достаточно высокое — 1,66. Выявленные модели семейно-гендерных представлений, соответствующие трем кластерам, обозначим как семейную, феминистическую и традиционную.

Таблица 2

**Идентификация кластеров — моделей планируемой жизни,
средние значения субшкал**

Кластер/модель	Паттерны гендерного идеала						Число планируемых детей	Доля респондентов, %
	Паттерн женского гендерного идеала			Паттерн мужского гендерного идеала				
	Патриархатный	Эгалитарно-независимый	Эгалитарно-профессиональный	Патриархатный	Эгалитарно-семейный	Эгалитарно-профессиональный		
1	0,84	0,18	0,16	0,27	0,69	0,15	1,73	59,5
2	0,35	0,59	0,27	0,48	0,37	0,20	1,20	21,6
3	0,92	0,20	0,06	0,65	0,18	0,06	1,66	19,0
Среднее значение / всего	0,75	0,27	0,17	0,38	0,53	0,14	1,60	100,0

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены максимальные значения, достоверно отличающиеся от обозначенных светлым шрифтом (ANOVA, апостериорный критерий Шеффе $p \leq 0,001$).

Рассмотрим, как соотносятся семейно-гендерные представления с другими планами респондентов на будущее и имеющимся жизненным опытом.

Относительно образовательной и профессиональной траектории представители первого и второго кластера (семейного и феминистического) в большей мере ориентированы на получение высшего образования и обучение в аспирантуре ($K-W \chi^2 = 9,2, p = 0,010$). Заметим, что имеются различия и в успеваемости: больше всего отличников принадлежат к первому кластеру ($V = 0,173, p = 0,030$), а успеваемость представителей третьего кластера (традиционная модель) ниже, чем у первого и второго ($\tau-c = 0,159, p = 0,021$).

Обнаруживается хоть и слабая, но статистически значимая связь с притязаниями к уровню должности, которую хотелось бы занять учащимся в будущем ($\tau-c = 0,133, p = 0,046$): учащиеся из третьего кластера (традиционная модель) в большей мере, чем другие, планируют занять руководящие должности, несмотря на то что меньше стремятся получить соответствующее образование. Они также значимо отличаются от первого кластера более высоким уровнем притязаний относительно будущего общественного положения и уровнем желаемого материального достатка ($MT p = 0,034$ и $p = 0,015$ соответственно). Эта же особенность

отразилась и в ответах на вопрос о зарработке: 70 % представителей первого кластера устроил бы размер зарплаты (когда они начнут работать) до 80 000 р., большая часть представителей второго и третьего ориентируются на диапазон от 80 000 до 150 000 р. (52 и 53 % соответственно — LLA 0,036).

Принципиальных различий в общем уровне готовности использовать разные стратегии и претерпевать трудности для реализации собственных планов не обнаружено, однако выявляются отдельные небезынтересные предпочтения. Так, представители первого кластера в большей мере, чем другие, планируют поехать для работы за границу (LLA $p = 0,034$) и ориентируются на выполнение интересной работы (LLA $p = 0,028$). Представители второго кластера отличаются от всех прочих тем, что они в большей мере готовы выполнять работу, требующую частой разлуки с семьей, и даже пожертвовать чувствами при заключении брака (K-W $\chi^2 = 6,7$, $p = 0,036$ и $\chi^2 = 7,4$, $p = 0,025$ соответственно).

Относительно родительской семьи, в которой живут учащиеся, также выявлены отличия. Больше всего сиблингов у представителей третьего кластера, меньше всего — у второго (среднее число сиблингов по массиву составляет 0,9, для третьего и второго кластера — 1,1 и 0,6 соответственно, K-W $\chi^2 = 6,7$, $p = 0,035$). Соответствующая связь обнаруживается и с числом членов семьи, в которой живет респондент (K-W $\chi^2 = 8,1$, $p = 0,018$). Доля учащихся, воспитываемых родителем-одиночкой (в подавляющем числе случаев матерью), несколько выше во втором кластере и составляет 28 % (в первом и третьем 14 и 12 % соответственно), хотя эта особенность статистически незначима.

Ответы респондентов на вопрос о желании, чтобы их будущая семья была похожа на ту, в которой они живут в настоящее время, не только отражают установку на воспроизводство имеющихся семейных отношений в родительской семье, но и являются косвенным индикатором удовлетворенности семейными отношениями. Оказалось, что только 30 % респондентов второго кластера хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на родительскую, в то время как у первого и третьего этот показатель составил 50 и 64 % соответственно. Аналогичная тенденция прослеживается и в распределении ответов на вопрос о планировании создания собственной семьи: только 55 % учащихся, ориентированных на эгалитарную модель, думают о создании семьи в будущем, в то время как в первом и третьем кластере таких оказалось 84 и 93 % соответственно ($\phi = 0,329$, $p = 0,002$).

Относительная однородность выборки, к сожалению, не дает возможности четко определить социально-структурные детерминанты дифференциации биографического проектирования, однако выявление связи с материальным и субъективным благополучием, а также особенностями родительской семьи позволяет говорить об определенной роли этих факторов в становлении семейно-гендерных представлений.

Несмотря на то что с прямой оценкой респондентами уровня материального благополучия родительской семьи связи не обнаружено, о роли материального положения свидетельствует другой, косвенный индикатор — нынешние жилищные условия. Согласно неравномерному распределению семей, проживающих в собственном доме, отдельной квартире и съемном жилье, материальное положение родителей несколько лучше у представителей третьего кластера,

а хуже у второго (К-В $\chi^2 = 6,9$, $p = 0,032$). У респондентов второго кластера также ниже доля учащихся, имеющих свою отдельную комнату, — 69,7 % (против 81,3 % в первом и 75,0 % в третьем ($V = 0,222$, $p = 0,021$)). Эта объективная данность четко коррелирует с субъективной оценкой — удовлетворенностью своими жилищными условиями (К-В $\chi^2 = 6,3$, $p = 0,043$) и желанием иметь в будущем большее количество комнат на члена планируемой семьи (МТ $\chi^2 = 6,5$, $p = 0,039$).

Психологическое неблагополучие также в большей мере испытывают представители второго кластера. Так, среди них доля назвавших себя «не очень счастливыми» и «абсолютно несчастливыми» значительно выше, чем у других, и составляет 25 % (аналогичная доля в первом и третьем кластерах составила 12 и 4 % соответственно). Для второго кластера характерна и меньшая удовлетворенность отношениями с членами собственной семьи (К-В $\chi^2 = 6,2$, $p = 0,045$).

При общей нерелигиозности старшеклассников (в целом только 17 % отметили значимость для себя Бога) наиболее верующим оказался первый кластер: доля отметивших высокую значимость Бога составила 21 %. Для второго и третьего этот показатель равняется 3 и 14 % соответственно (К-В $\chi^2 = 12,4$, $p = 0,002$).

Подведем итоги. *Первая модель* представлений о семейно-гендерных отношениях, которую мы обозначили как *семейную*, связана с патриархатным взглядом на идеальную женщину и эгалитарным — на мужчину, среди достоинств которого эмоциональные качества, забота о семье, ориентация на рождение детей. Этот тип представлений более характерен для девушек (72 % от общего числа респондентов, принадлежащих к этому кластеру). Для тех, кому близка эта модель, важно получить высокий уровень образования, но относительно будущего общественного положения, материального благополучия, карьерных амбиций они менее притязательны, чем другие старшеклассники. Показательно, что это наиболее религиозная группа: на материалах данного исследования невозможно говорить о влиянии религиозного фактора, однако фиксируется ориентация на неотрадиционную ценность полной семьи.

Вторую модель, феминистическую, характеризуют преимущественно эгалитарные взгляды на представителей двух полов. Ее сторонниками в равной мере являются и девушки, и юноши. Обращает на себя внимание, что эта модель, пожалуй, более, чем другие, оказалась связана с социальными и социально-психологическими факторами (родительской семьей и социальным самочувствием). Группа учащихся, придерживающихся этих взглядов, так же как и первая, ориентирована на получение высокого уровня образования, но отличается тем, что для нее оказываются важными ценности достижения. Возможно, относительно высокие притязания к будущему материальному положению и профессиональному росту связаны именно с переживанием в настоящее время материальной депривации и носят компенсаторный характер. Значимость материальной и профессиональной сфер подтверждается также стратегиями реализации жизненных планов, которые отнюдь не соотносятся с созданием семьи. Жизненный опыт этих школьников, определяемый низкой удовлетворенностью отношениями в родительской семье, проявляется в осознанном нежелании создавать семью и иметь детей.

Третья, традиционная модель основана на патриархатном понимании качеств идеальных женщин и мужчин. Группа учащихся, придерживающаяся этой модели, преимущественно состоит из юношей (86 %), они, так же как и сторонники семейной модели, ориентированы не только на создание семьи, но и на рождение детей, принципиальное отличие — в образе идеального мужчины. Сторонники этих взглядов отличаются меньшими успехами в успеваемости, они в меньшей мере озабочены получением высшего образования и обучением в аспирантуре, но обладают высокими амбициями относительно социального положения в будущем. Они выросли в семьях с большим количеством детей, чем другие опрошенные. Материальное положение их родительских семей достаточно высокое, а уровень субъективного благополучия самих респондентов значительно выше.

Обсуждение результатов и заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о достаточно четком различии гендерно-семейных представлений у девушек и юношей и, следовательно, о женском и мужском видении будущего. В представлениях старшеклассников паттерны идеальной женственности и идеальной мужественности оказываются различными. Ревизии подвергся в первую очередь мужской гендерный идеал: если патриархатные черты женского идеала приемлются и девушками, и юношами, то патриархатность мужчины поддерживается преимущественно благодаря самосознанию юношей. Репродуктивные намерения старшеклассников, выражающиеся в желаемом числе детей, соответствуют характерному для россиян двухдетному идеалу [Тындик, 2012: 368], однако обращает на себя внимание левостороннее смещение распределения и достаточно низкое среднее число желаемых детей в целом по массиву и еще меньшее — у юношей. Проблему баланса семьи и сферы занятости девушки, предполагающие семейное будущее, решают принятием контракта «работающей матери», ориентируясь на получение высокого уровня образования, но сознательно ограничивая свои притязания на карьерные достижения и материальную независимость. Альтернативный контракт «успешной женщины», отдающей приоритет независимости, карьере и эгалитарности, нежели созданию полной семьи, оказывается менее популярным, но принимается и девушками, и юношами.

Отмечаемое исследователями конструирование в настоящее время национальной самобытности российского общества, сопровождаемое апеллированием к архаической гендерной системе, традиционным семейным ценностям [Печерская, 2012] и восстановлению маскулинности [Воронина, 2016], в представлениях школьников скорее связано не с новой брутальностью мужчин, а, напротив, с их эмоциональным интеллектом.

Анализ пересечения различных факторов социальной дифференциации, репрезентированных в представлениях старшеклассников о своем будущем, позволяет говорить о наличии гендерно-маркированных сценариев биографического проектирования. Выявленные локации, задаваемые ориентацией на патриархатность и эгалитарность, а также репродуктивными намерениями, оказались связанными не только с профессиональными планами, но и с социальными факторами, очерчивающими различный жизненный опыт старшеклассников.

Эвристичность интерсекционального подхода в данном исследовании обусловлена тем, что благодаря ему стало возможным различие двух близких семейно-гендерных моделей, ориентированных на традиционные ценности, — патриархатный женский идеал и большую «детность». Принципиальным критерием дифференциации этих двух моделей стал патриархатный или эгалитарный образ мужчины, связанный с соответствующими интенциями в профессиональной сфере. Это обнаружение позволило понять особенности гендерных представлений школьников и отделить на эмпирическом уровне феномен собственно традиционализма (патриархатность) от неотрадиционализма, характеризуемого сохранением именно традиционной женственности при ослабленной мужественности, а не мачизма на фоне женской эмансипации.

Гендеризация биографического проектирования даже у достаточно однородной социальной группы (учащиеся одной школы) показательно воспроизводит гендерный порядок и обусловленные им возможности или ограничения для сочетания семьи и работы. Выявленный комплекс материального и субъективного неблагополучия, определяющий отказ от традиционализма как для девушек, так и для юношей, требует дальнейшего изучения для понимания факторов, трансформирующих гендерную идеологию современного российского общества.

Список источников

- Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение?: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 13—22.
- Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России: социология. Этнология*. 2000. № 4. С. 65—102.
- Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // *Мир России: социология. Этнология*. 2016. № 4. С. 136—153.
- Воронина О. А. Гендерное измерение политики и культуры в России // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 4. С. 172—177.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 48—73.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 29—41.
- Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // *Вопросы философии*. 2010. № 5. С. 25—35.
- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодежи (1999—2014 гг.) // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. С. 160—178.
- Нечаева Н. А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 12. С. 114—133.
- Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 323—342.
- Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Российский гендерный порядок: социологический подход*

- / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169—200.
- Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93.
- Тартаковская И. Н. Женственность прекарности // ИНТЕР. 2017. Т. 1, № 14. С. 45—53.
- Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С. 361—376.
- Тюрин Е. Кто такой настоящий мужчина в 2020-м?: социолог рассказывает, как меняется понимание маскулинности: интервью с И. Тартаковской // Бумага. 2020. URL: <https://paperpaper.ru/campus/kto-takoj-nastoyashij-muzhchina-v-2020-m-socio/> (дата обращения: 12.03.2020).
- Уткина В. В., Гаспарян С. А. Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин: (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 259—279.
- Ушакин С. А. Видимость мужественности // О муже(N)ственности / сост. С. Ушакин. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 479—503.
- Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 1. С. 93—113.
- Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19—43.
- Lipasova A. Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15, № 4. P. 202—214.
- Nash J. C. Re-thinking intersectionality // Feminist Review. 2008. Vol. 89, № 1. P. 1—15.
- Yuval-Davis N. Intersectionality and feminist politics // European Journal of Women's Studies. 2006. Vol. 13, № 3. P. 193—209.

References

- Aïvazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabotaiushcheĭ materi”: narusheniia ili rastorzheniie?: (K voprosu ob osobennostiakh gendernoĭ politiki v sovremennoĭ Rossii) [Contract of the “working mother”: violations or termination?: (To the question of the features of gender policy in modern Russia)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Barsukova, S. Iu., Radaev, V. V. (2000) Legenda o genere. Printsipy raspredeleniia truda mezhdu suprugami v sovremennoĭ gorodskoĭ sem'e [Legend of gender. The principles of the distribution of labor between spouses in a modern urban family], *Mir Rossii: Sotsiologiia. Ètnologiia*, no. 4, pp. 65—102.
- Chernova, Zh. V. (2017) Rabochee mesto, druzhestvennoe sem'e: politicheskie initsiativy, pozitsiia rabotodatelia i tipy podderzhki rabotnikov s semeĭnymi obiazannostiami [A family-friendly workplace: political initiatives, the position of the employer, and types of support for workers with family responsibilities], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noĭ antropologii*, vol. 20, no. 1, pp. 93—113.

- Chernova, Zh. V. (2019) Nezavershënnaiia gendernaia revoliutsiia [The unfinished gender revolution], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 222—242.
- Chernova, Zh., Shpakovskaia, L. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnërstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisaniia i praktiki v sovremennoi Rossii [Young adults: marriage, partnership, and parenthood. Discursive prescriptions and practices in contemporary Russia], *Laboratorium*, no. 3, pp. 19—43.
- Kletsina, I. S. (2009) Ottsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Paternity in analytical approaches to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 29—41.
- Kon, I. S. (2010) Maskulinnost' v meniaiushchemsia mire [Masculinity in a changing world], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 25—35.
- Lipasova, A. (2016) Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia, *Russian Sociological Review*, vol. 15, no. 4, pp. 202—214.
- Nash, J. C. (2008) Re-thinking intersectionality, *Feminist Review*, vol. 89, no. 1, pp. 1—15.
- Nechaeva, N. A. (2017) Gendernye idealy molodëzhi (1999—2014 gg.) [Gender ideals of youth (1999—2014)], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 8, pp. 160—178.
- Nechaeva, N. A. (2019) Gendernaia kartina mira: k opredeleniiu poniatia i ego struktury [Gender worldview: to the definition of a concept and its structure], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 12, pp. 114—133.
- Pecherskaia, N. V. (2012) Mifologiia roditel'stva: analiz diskursivnogo proizvodstva ideal'noi sem'i [Parenthood mythology: analysis of the discursive production of an ideal family], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 323—342.
- Rotkirch, A., Temkina, A. (2007) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], in: Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds), *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Europeïskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 169—200.
- Tartakovskaia, I. N. (2015) Vosproizvodstvo gendernogo poriadka cherez kar'ernye strategii: popytka interseksional'nogo analiza [Reproduction of gender order through career strategies: an attempt of intersectional analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 84—93.
- Tartakovskaia, I. N. (2017) Zhenstvennost' prekarnosti [Femininity of precariousness], *INTER*, vol. 1, no. 14, pp. 45—53.
- Tiurina, E. (2020) Kto takoi nastoiashchii muzhchina v 2020-m?: Sotsiolog rasskazyvaet, kak meniaetsia ponimanie maskulinnosti: Interv'iu s I. Tartakovskoi [Who is a real man in 2020?: A sociologist tells how the understanding of masculinity is changing: Interview with Tartakovskaya], *Bumaga*, available from <https://paperpaper.ru/campus/kto-takoj-nastoiashchij-muzhchina-v-2020-m-socio/> (accessed 12.03.2020).
- Tyndik, A. O. (2012) Reproaktivnye ustanovki i ikh realizatsiia v sovremennoi Rossii [Reproductive attitudes and their implementation in modern Russia], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, no. 3, pp. 361—376.
- Ushakin, S. A. (2002) Vidimost' muzhestvennosti [Visibility of masculinity], in: *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 479—503.
- Utkina, V. V., Gasparian, S. A. (2019) Ogranicheniia pri priëme na gosudarstvennuiu grazhdanskuiu sluzhbu v RF dlia molodykh zhenshchin: (Na osnove èksperimenta) [Restrictions for young women to enter the civil service in the Russian Federation: (Based on an experiment)], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 259—279.
- Van'ke, A. V., Tartakovskaia, I. N. (2016) Transformatsii maskulinnosti rossiiskikh rabochikh v kontekste sotsial'noi mobil'nosti [The transformation of Russian working class

- masculinities in the context of social mobility], *Mir Rossii: Sotsiologiya. Étnologiya*, no. 4, pp. 136—153.
- Voronina, O. A. (2016) Gendernoe izmerenie politiki i kul'tury v Rossii [Gender dimension of politics and culture in Russia], *Jaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 4, pp. 172—177.
- Yuval-Davis, N. (2006) Intersectionality and feminist politics, *European Journal of Women's Studies*, vol. 13, no. 3, pp. 193—209.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2018) Chto takoe "maskulinnost"? Poniatiinye otmychki kriticheskikh issledovaniĭ mužhchin i maskulinnosteĭ [What is "masculinity"? Conceptual keys to critical studies in men and masculinities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ékonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 48—73.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, k.divisenko@socinst.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation).